

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 3

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ЗОЛОТОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ВОУТЕРА ВАН ТВИЛЛЕРА

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 3

«Автор»

2026

Ирвинг В.

История Нью-Йорка. Книга 3 / В. Ирвинг — «Автор», 2026

Третья книга «Истории Нью-Йорка» посвящена самому мирному, сытому и забавному правлению в истории колонии — губернаторству Воутера Ван Твиллера, прозванного Сомневающимся. Этот грузный бюргер с головой-сферой и вечной трубкой в зубах вершит правосудие, взвешивая счётные книги, а его подданные наслаждаются жизнью: коровы пасутся на Бродвее, девушки пьют чай с сахаром на нитке, а кавалеры ухаживают в десяти штанах. Но идиллию нарушают дерзкий патрон Ван Ренсселер, строящий крепость на Гудзоне, и соседи-янки, которые со своими топорами и сквоттингом подбираются к границам. С неподражаемым юмором Ирвинг рисует картину уходящей эпохи, где за комичными сценками скрывается тревожное предчувствие перемен. И финал закономерен — душа Сомневающегося улетает с последним клубом дыма, уступая место новым временам.

© Ирвинг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

История Нью-Йорка. Книга 3

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга третья

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Вашингтон Ирвинг

Перевод с адаптацией для современного читателя

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогой читатель!

Третья книга «Истории Нью-Йорка» рассказывает о самом мирном, самом сытом и самом нерешительном правлении, какое знал Новый Свет. В первых двух книгах вы познакомились

с Дидрихом Никербокером и его теориями о сотворении мира, а затем стали свидетелями высадки голландцев на Манхэттене.

На сцену выходит губернатор Воутер Ван Твиллер, прозванный Сомневающимся: человек-гора, человек-бочка, чья голова по окружности превосходит его рост, а главный талант — до бесконечности взвешивать решение и никогда его не принимать. Под его правлением Новый Амстердам процветает — точнее, спит. Бюргеры курят трубки, коровы пасутся на Бродвее, а единственная тревога — как бы не потревожить чей-нибудь послеобеденный сон.

Никербокер подробно описывает голландский быт: дамы в полосатых юбках с огромными карманами, чаепития с куском сахара на нитке, судебные заседания, где судья взвешивает не доводы сторон, а сами счётные книги. Но за этим уютом уже маячат тревожные тени — соседнянки с топорами и неистребимой страстью к «усовершенствованиям».

Впрочем, книга не сводится к бытовым сценкам: здесь и буря над Батареей, и дерзкий патрон Ван Ренсселер, и первые стычки на границе, и, наконец, торжественная кончина Сомневающегося — когда его душа, точно последний клуб дыма, покидает трубку.

Ирвинг ведёт рассказ с той же добродушной иронией, что и прежде: за комическими сценами всегда чувствуется его искренняя привязанность к городу, его истории и слабостям его жителей.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В коей запечатлено золотое царствование Воутера Ван Твиллера

ГЛАВА I

Тяжек и достоин всяческого сострадания труд чувствительного историка, пишущего историю родной земли. Выпади ему жребий летописать бедствия или преступления — скорбная страница орошается его слезами; но и самую цветущую, самую благословенную эпоху не может он вспомнить без горестного вздоха при мысли, что она миновала навеки! Не знаю, чему это приписать — то ли безмерной любви к простоте прежних времён, то ли той особой нежности сердца, что свойственна всем чувствительным историкам, — но признаюсь чистосердечно: я не могу оглянуться на более счастливые дни нашего города, кои ныне описываю, без глу-

бокого уныния духа. Дрожащей рукой отдёргиваю я завесу забвения, скрывающую скромные заслуги наших почтенных предков, и, покуда их образы восстают перед моим мысленным взором, смиренно склоняюсь перед их могучими тенями.

Таковы мои чувства, когда я вновь посещаю фамильный особняк Никербокеров и провожу одинокий час в той горнице, где висят портреты моих праотцов, покрытые пылью, точно и сами образы, ими представленные. С благочестивым трепетом созерцаю я лики тех прославленных бюргеров, что предшествовали мне в неуклонном шествии бытия, — чья степенная и умеренная кровь ныне струится по моим жилам, всё медленнее и медленнее в своих слабеющих протоках, покуда её течение вскоре не остановится навеки!

Всё это, говорю я себе, лишь хрупкие памятники могучим мужам, процветавшим во дни патриархов, но кои, увы, уже давно истлели в той могиле, к коей неприметно и неотвратно спешат и мои собственные шаги. Покуда я меряю шагами тёмную горницу, теряясь в горестных раздумьях, тени вокруг меня, кажется, почти вновь оживают, их лики словно обретают одушевление жизни, а взоры, кажется, следуют за мною при каждом движении! Увлечённый обманами воображения, я почти воображаю себя окружённым тенями усопших, ведущим сладостную беседу с достойными мужами древности! Ах, злополучный Дидрих! рождённый в выродившийся век, отданный на волю прихотей фортуны, — чужестранец и усталый пилигрим в собственной отчизне, — не благословлённый ни рыдающей женой, ни семейством беспомощных детей, — но обречённый бродить в забвении по этим многолюдным улицам, теснимый чужеземными выскочками с тех прекрасных мест, где некогда самодержавно властвовали твои предки!

Но не дам я, однако, историку затеряться в человеке и не позволю сентиментальным воспоминаниям старости одолеть меня, покуда я с любящей словоохотливостью останавливаюсь на добродетельных днях патриархов — на тех сладостных днях простоты и покоя, кои никогда более не воссияют над прекрасным островом Манна-хата.

Эти горестные размышления исторгло из меня растущее богатство и значение Нового Амстердама, коему, как я ясно вижу, суждено вовлечь его во всевозможные опасности и бедствия. Уже, как я заметил в конце предыдущей книги, они пробудили внимание метрополии. Тотчас же проявился тот обычный знак покровительства, каким метрополии обыкновенно одаряют богатые колонии: был прислан губернатор — дабы править провинцией и выжимать из неё как можно больше доходов. Прибытие губернатора, разумеется, положило конец протекторату Олоффе Сновидца. Впрочем, судя по всему, он не без пользы предавался сновидениям в своё правление, ибо впоследствии мы застаём его живущим на правах патрона обширного поместья на берегах Гудзона, фактически лишившимся всякого права на своё прежнее прозвание Кортландт, то есть Безземельный.

Было это в лето Господне тысяча шестьсот двадцать девятое, когда мингер Воутер Ван Твиллер был назначен губернатором провинции Новые Нидерланды, по грамоте и под властью их Высокомоций Господ Генеральных Штатов Соединённых Нидерландов и привилегированной Вест-Индской компании.

Этот прославленный старый джентльмен прибыл в Новый Амстердам в весёлом месяце июне, сладчайшем из всех месяцев года, — когда сам Феб, кажется, приплясывает по прозрачной тверди небесной, когда малиновка, дрозд и тысяча прочих беспечных певунов оглашают леса любовными напевами, а роскошный маленький боблинк резвится среди клеверных цветов на лугах, — и все эти счастливые совпадения убедили старых кумушек Нового Амстердама, искушённых в искусстве предсказания судеб, что правлению этому суждено быть счастливым и процветающим.

Прославленный Воутер, или Волтер, Ван Твиллер происходил из долгого рода голландских бургомистров, что один за другим продремывали свой век и жирели на судейской скамье в Роттердаме, наделяя себя такой примечательной мудростью и благопристойностью, что

о них никогда ничего не было слышно и никто о них не говорил, — что, вслед за всеобщим восхвалением, и должно быть заветной целью честолюбия всякого судьи и правителя. Есть два противоположных способа, коими некоторые люди составляют себе имя в свете: один — говорить быстрее, чем думаешь, другой — держать язык за зубами и вовсе не думать. Первым способом иной пустомеля стяжает славу человека острого ума; вторым же иной тупица, подобно сове, глупейшей из птиц, начинает почитаться самым воплощением мудрости. Замечание это, к слову, чисто случайное, и я ни за что на свете не желал бы, чтобы его применили к губернатору Ван Твиллеру. Правда, он был человеком замкнутым в себе, точно устрица, и редко изъяснялся иначе как односложно; но зато признавали, что глупостей он говорил редко. Столь непобедима была его серьёзность, что за весь долгий и благополучный свой век он ни разу не был замечен смеющимся или хотя бы улыбающимся. Более того: если в его присутствии отпускали шутку, повергавшую легкомысленных слушателей в громкий хохот, замечали, что она повергает его самого в немалое замешательство. Порой он снисходил до расспросов о её сути, и когда после долгих объяснений шутка становилась ясна, точно кол, он продолжал в молчании курить трубку, а затем, выбив пепел, изрекал: «Что ж! Не вижу здесь ничего смешного».

При всей своей склонности к размышлению он никогда ни на чём не мог остановиться окончательно. Приверженцы его объясняли это поразительной обширностью его умственных построений: он охватывал всякий предмет в столь грандиозном масштабе, что в голове у него не доставало места, дабы перевернуть его и рассмотреть с обеих сторон. Достоверно то, что если ему предлагали какое-либо дело, по коему обыкновенные смертные решились бы опрометчиво с первого же взгляда, он напускал на себя неопределённо-таинственный вид, качал своей вместительной головой, некоторое время курил в глубоком молчании и наконец замечал, что «у него на этот счёт имеются сомнения»; чем и снискал себе славу человека, медленно приходящего к убеждению и нелегко поддающегося обману. Более того: это же снискало ему и прочное имя, ибо именно этой умственной привычке приписывают его прозвание Твиллер, каковое, как говорят, есть искажение первоначального Twijfler, то есть, попросту говоря, Сомневающийся.

Особа этого прославленного старого джентльмена была сложена и соразмерена так, точно вылеплена руками некоего искусного голландского ваятеля, как образец величия и вельможного великолепия. Ростом он был ровно пять футов шесть дюймов, а в обхвате — шесть футов пять дюймов. Голова его являла собою совершенную сферу столь исполинских размеров, что сама госпожа Природа, при всей изобретательности своего пола, немало затруднилась бы соорудить шею, способную её выдержать; посему она мудро отказалась от подобной попытки и прочно утвердила её прямо на вершине хребта, как раз между плеч. Туловище его было продолговато и особенно вместительно у основания, что было мудро устроено Провидением, поскольку он был человеком сидячих привычек и питал великое отвращение к праздному труду ходьбы.

Ноги у него были короткие, но крепкие соразмерно тому весу, что им надлежало выдерживать, так что, стоя прямо, он немало напоминал пивную бочку на полозьях. Лицо его — этот безошибочный указатель души — являло взору обширную равнину, не изборождённую ни единой из тех линий и углов, что уродуют человеческое лицо тем, что зовётся выражением. Два маленьких серых глаза слабо мерцали посреди неё, точно две звёздочки меньшей величины на туманном небосводе; а его сытые, откормленные щёки, казалось, взимавшие пошлину со всего, что попадало ему в рот, были причудливо испещрены и полосаты тёмно-красным, точно яблоко сорта Шпицберген.

Привычки его были столь же размерены, как и его особа. Он ежедневно вкушал четыре установленных трапезы, отводя ровно по часу на каждую; восемь часов он курил и сомневался, а оставшиеся двенадцать из двадцати четырёх спал. Таков был прославленный Воутер Ван Твиллер — истинный философ, ибо дух его пребывал либо вознесённым над заботами и превратностями этого мира, либо покойно опустившимся ниже их. Он прожил в нём долгие годы,

не испытав ни малейшего любопытства узнать, вращается ли солнце вокруг него или он вокруг солнца; и добрых полвека наблюдал, как дым его трубки вьётся к потолку, ни разу не обременив себе голову ни одной из тех многочисленных теорий, коими философ измучил бы свой мозг, объясняя, отчего этот дым поднимается над окружающей атмосферой.

В совете он председательствовал с великой торжественностью и важностью. Он восседал в огромном кресле из цельного дуба, срубленного в прославленном Гаагском лесу, изготовленном опытным амстердамским тиммерманом и причудливо изукрашенном по подлокотникам и ножкам точными подобиями исполинских орлиных когтей. Вместо скипетра он потрясал длинной турецкой трубкой, отделанной жасмином и янтарём, некогда подаренной статхаудеру Голландии по заключении договора с одной из мелких берберийских держав. В этом величавом кресле он и восседал, эту роскошную трубку он и курил, беспрестанно покачивая правым коленом и по целым часам не отрывая взора от маленькой гравюры с видом Амстердама, висевшей в чёрной раме на противоположной стене совещательной палаты. Более того, говорят даже, что когда на рассмотрение выносилось какое-либо особо длительное и запутанное дело, прославленный Воутер закрывал глаза разом на добрых два часа, дабы его не отвлекали внешние предметы, — и в такие минуты внутреннее смятение его духа выдавали некие мерные горловые звуки, кои его почитатели объявляли не более чем шумом борьбы его противоборствующих сомнений и мнений.

С бесконечным трудом удалось мне собрать эти биографические сведения о рассматриваемом великом муже. Факты, до него касающиеся, были столь разрозненны и смутны, а иные из них столь сомнительны в отношении подлинности, что мне пришлось отказаться от поисков многих и отклонить принятие ещё большего числа таких, что могли бы придать более яркие краски его портрету.

Тем более озабочен я был подробно обрисовать особу и привычки Воутера Ван Твиллера, что он был не только первым, но и лучшим губернатором из всех, что когда-либо правили этой древней и почтенной провинцией; и столь мирным и благотельным было его правление, что на всём его протяжении я не нахожу ни единого случая, когда бы какой-либо преступник был приведён к наказанию, — вернейший признак милосердного правителя и случай беспримерный, если не считать царствования прославленного Царя-Чурбана, от коего, как намекают, прославленный Ван Твиллер вёл своё прямое происхождение.

Самое начало карьеры этого превосходного судьи было отмечено примером юридической проницательности, сулившим лестное предзнаменование мудрого и справедливого правления. Наутро после вступления в должность, как раз в ту минуту, когда он завтракал из огромного глиняного блюда, наполненного молоком и индейским пудингом, его прервало появление Вандла Схонховена, весьма важного старого бюргера Нового Амстердама, горько жаловавшегося на некоего Барента Блеккера, отказывавшегося свести с ним счёты, невзирая на то что баланс их складывался в изрядную пользу вышеупомянутого Вандла. Губернатор Ван Твиллер, как я уже заметил, был человеком немногословным; кроме того, он был смертельным врагом умножения бумаг и всякого нарушения своего завтрака. Внимательно выслушав рассказ Вандла Схонховена, время от времени похмыкивая, покуда отправлял в рот ложку индейского пудинга, — то ли в знак того, что кушанье ему по вкусу, то ли в знак того, что он уразумел рассказ, — он призвал своего констебля и, вытащив из-за пазухи штанов огромный складной нож, отправил его вслед за ответчиком в качестве повестки, присовокупив к нему свою табакерку в качестве ордера.

Эта упрощённая процедура действовала в те простодушные дни столь же безотказно, как перстень с печатью великого Гарун-аль-Рашида среди правоверных. Когда обе стороны предстали перед ним, каждая предъявила счётную книгу, писанную на языке и почерком, способном сбить с толку кого угодно, кроме верхненемецкого комментатора или учёного дешифровщика египетских обелисков. Мудрый Воутер взял их поочерёдно, взвесил в руках и, вни-

мательно пересчитав число листов, впал в глубочайшее сомнение и курил добрых полчаса, не проронив ни слова; наконец, приложив палец к носу и на мгновение закрыв глаза с видом человека, только что ухватившего тонкую мысль за хвост, он медленно вынул трубку изо рта, выпустил столб табачного дыма и с изумительной серьёзностью и торжественностью изрёк, что, тщательно пересчитав листы и взвесив обе книги, он нашёл, что одна из них ровно такой же толщины и веса, как и другая, — а посему окончательное мнение суда таково, что счета уравновешены в точности, — а посему пусть Вандл выдаст Баренту расписку, а Барент выдаст Вандлу расписку, — а издержки пусть оплатит констебль.

Это решение, тотчас же ставши известным, разлило всеобщую радость по всему Новому Амстердаму, ибо жители немедля уразумели, что над ними правит весьма мудрый и справедливый судья. Но самым счастливым его следствием было то, что за весь срок его правления не случилось более ни единой тяжбы, — а должность констебля пришла в такой упадок, что многие годы во всей провинции не сыскать было ни единого из этих плутоватых сыщиков. Я тем подробнее останавливаюсь на этом происшествии не только потому, что почитаю его одним из мудрейших и справедливейших решений, когда-либо занесённых в летописи, вполне достойным внимания современных судей, но и потому, что оно стало поистине чудесным событием в жизни прославленного Воутера, будучи единственным случаем за весь его век, когда он вообще пришёл хоть к какому-то решению.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.